Автор: admin
05.05.2014 10:50 -

Наедине с Бакуниным, Глава 13

Наедине с Бакуниным, Ван-Юшан рассказал много интересного.
Пленник «Викерса» - пират, член разбойничьего клана, на джонке были не купцы, а возвращавшиеся с Хоккайдо палачи сёгуна, расправившиеся над жителями деревни на острове после восстания. Крестьяне наняли тайный клан для кровавой мести. Японские пираты нападают на корейцев и китайцев, захватывая добычу, черные паруса помогают им ночью скрытно подойти к берегам Кореи и Китая. Ван-Юшан сам в прошлом входил в тайное общество - триаду «Белого Лотоса». Бакунину он рассказал, как устроены «триады», их конспирацию и способ принятия решений.
В отдельную «триаду», точнее пентаграмму, входит по пять членов, каждый знает только двух, те в свою очередь тоже знают только двух, и так далее, но принимая решение – все должны высказаться положительно. Не зная всю пятерку, невозможно даже под пытками разрушить до конца «триаду». По тому же типу устроены и тайные общества Японии. Внешняя покорность простого народа обманчива, поэтому и власть самураев проявляет жестокость, зная, что их могу вырезать, как угнетателей, без остатка со всеми их домочадцами. «Триады» устойчивы, они огнем очищают «луга общин от прошлогодней травы». Можно столетиями призывать простой народ к бунту, но забитый крестьянин ничего не совершит. Рабы - не буйные, они плаксивые и тихие в массе своей. Для борьбы нужны другие, организованные и бесшабашно храбрые. Наиболее подходящим типом бунтаря является маргинал: странный, неустроенный человек, живущий на краю общества, талантливый убийца, фанатик, буйный неудачник. Не следует думать, что таких немного, чтобы хватило на революционную партию. Маргиналов достаточно, их тысячи, если не сотни тысяч. Это целый социальный слой. Из хаоса насилия структурируется эдакое звездное братство мщения, также как из хаоса власти рождается - солидарность элиты. На высшем переходе диалектики – они идентичны и могут меняться местами, низшие становятся высшими. Человек звезды - в западном масонском понимании, «товарищ», - это «новое человечество», будущая элита, обратившаяся от инерции традиционного общества, и поднявшаяся из ада всеобщего существования для того, чтобы «последние» стали «первыми».
Ван-Юшан рассказал притчу Чжуан-цзы. «Рыбки, выброшенные на суровый берег, помогают дышать, увлажняя друг друга слюной. Но когда снова попадают в благодатную воду, забывают о товариществе».
Государство это стая, а не братство, подразумевающее равенство. В стае – иерархия сильного над слабым, подчинение авторитету. В возникновении тайных обществ наличествует дуально существующая мистика. Высшим есть что скрывать от низших, чтобы не быть уничтоженными, также и другим. Обе зеркально возникающие силы объединяет насилии и сопротивление среды. Одним надо утвердить страх власти, другим снять актуальность возмездия, страх смерти. У одних результатом борьбы является абсолютный произвол от моральных устоев, других объединяет попранная

человечность.
Не надо путать истерию охлоса с энтузиазмом маргиналов. Перемены, и их результат – это далекая цель неясного будущего, и она требует много времени и неблагодарного труда. А настоящее не занимает много времени у обывателя. Но если подготовиться к перемене, она окажется менее трудной, и не потребуется тратить время на распознавание знаков грядущего.
Между элитой и маргиналами по большому счету нет разницы, они порождение друг друга, они сами провозгласили себя избранными. В зените борьбы – произвол элиты и высшее освобождение маргиналов – идентичны. Они сливаются в волевом акте личности, задающем направление развития мира, единства становления бытия, татхагаты, Дао, первоначала, нечто из ничто. Боец – заноза в заднице у Поднебесной, центр возмущения.
Если действовать сознательно, взаимодействие с вселенной будет сознательным. Если действовать вслепую, бессознательно, все окажется следствием того, что отсылалось вовне. Пусть разум слаб перед этим Единством, но другого пути быть свободным, как стать над ним волевым способом – нет.
Разум антогонистов сознает направление приложения силы воли. Столкновение порождает огонь, который в условиях неуничтожимости бытия, закручивается в вихрь, тайфун,- символом которого является воронка энергии, солнечный символ. Символ власти абсолютной - свастика.
Государство, порождая маргинальных психопатов и изуверов, этих разумных антагонистов, сталкивая их между собой, само зажигает революцию, перемены, нечто новое. Опасность искусственно построенной гегелевской диалектики истории, в идее идти до конца, завершая логическую цепочку там, где ее на самом деле нет. История становится реальностью, когда случайные события выстраиваются в законченную картину, где Рок установил предел человеческому сумасбродству. Выстраивается в историю не время нашей жизни, а это мы летим через время, становясь частью истории.
Мысль Эразма о «бессознательной необходимости» и живущей в ней силе, принуждающая действовать так, а не иначе, и проявляющаяся в ряде живых, по-видимому друг от друга независимых, но в сущности параллельно между собою связанных фактов, - это тайна волевого импульса. Она увлекает за собой жизнь, в то время как - от систематической, хоть и вполне истинной мысли, душа цепенеет. Вот почему немцы - такие худые деятели на политическом поприще: "Man merkt die Absicht, und man wird verstimmt" (Когда разгадаешь намерение, то пропадает настроение).
Одна правда рождает ложь, чтобы ложь превратить в другую правду. Но мир аморфен, волевого в нем немного, и он не любит крайностей. Вечность, как и жизнь, пластична, и мудрость, как говорят китайцы, в том, чтобы из «покоя сделать еще больший покой».
Звезды падают, как капли дождя на иссушенную землю, и умирают на ладонях мечты.
Ван-Юшан продолжил за чаем, среди табачного дыма в каюте Бакунина, излагать китайскую философию жизни.
- Как ребенку, обиженно надувшему щечки, тебе уже хочется – не изменять реальность по своему «чувству», а – наказать ее!
- Познавший тайну Пути - молчит не потому, что бытие – ложная категория или аффект наших чувств. В даоской традиции нет понятия – «ложности»! Но есть, представление, что Бытие, как Путь Дао можно познать и участвовать в нем! Потому, что Путь Дао – есть структурирование Бытия в Вечности. А сознание человека позволяет ему

проявляться вместе с Дао. В понимании Чжуан-цзы – как «полета бабочки». Но я здесь говорю о другом - «Охота за реальностью – опасна!». Опасна потому, что, охотясь за реальностью, замыкает ее на сознании. Лао-цзы использовал термин «неделание», для снятия этой реальности, используя его как метод медитации. Даос размыкает реальность, уходит из-под молота Фатума. Отсюда и «беззаботные странствия в Беспредельном» - Даос избавляется от наказания своего сознания Прошлым, - поступки его не имеют последствий, так как Даос – НЕ совершает поступков! Это и есть принцип - «неделание» - Лао-цзы.
От власти обыденного можно освободиться, лишь вернувшись к абсолютной ясности духа, которая равнозначна …абсолютному покою и …полной темноте. Ясность внутреннего образа прямо соответствует ясности сознания, не зависящего от внешнего мира! Просветленное сознание оправдывает реальность такого образа.
Для китайца материальных вопросов не существует. Он приучен - не различать "реальность" и "иллюзию". Он поклоняется не знанию и даже не божеству, а удобству и пользе, летучей истине момента. Он почти инстинктивно ищет в своем бытии его внутреннее средоточие, точку динамического покоя душевной жизни. Его реальная жизнь, с её сиюминутностью и неуловимой ускользающей событийностью, вызывает чувство неизбежности уходящего, реминисценции в прошлое, связывая их ассоциациями, логику которых знает только он. Истинное призвание в даоском смысле - "беззаботное скитание" в вечном, прорыв к себе, как к самоценности личной жизни, и… ощущение конечности ее. Бесшабашная грусть этого факта, придающая остроту сиюминутному существованию, которое само по себе – тайна, волевое структурирование хаоса.
Путь и Единое, как состояние духа, пробилось в реальность окружающего мира, без традиционной "европейской" рефлексии и абсурда непонятой жизни. Когда освобожденный обретает связь с окружающим, он проявляет сочувствие к казалось бы далеким от него, хотя и кажется, что он оторвался от привязанностей к миру людей. Чтобы передать другим свое знание ...нужно отстраниться от него, почувствовать «дуновение от взмаха крыльев птицы Пэн над тростниками, что летит с Севера». Способность насыщать пространство чувством, обозначить пустоту этого пространства, и свою отстраненность, и одновременно глубочайшее волевое слияние с ним, соединенное эмоциональным единством мира - вот когда мы касаемся начала творения форм в становящейся вселенной.